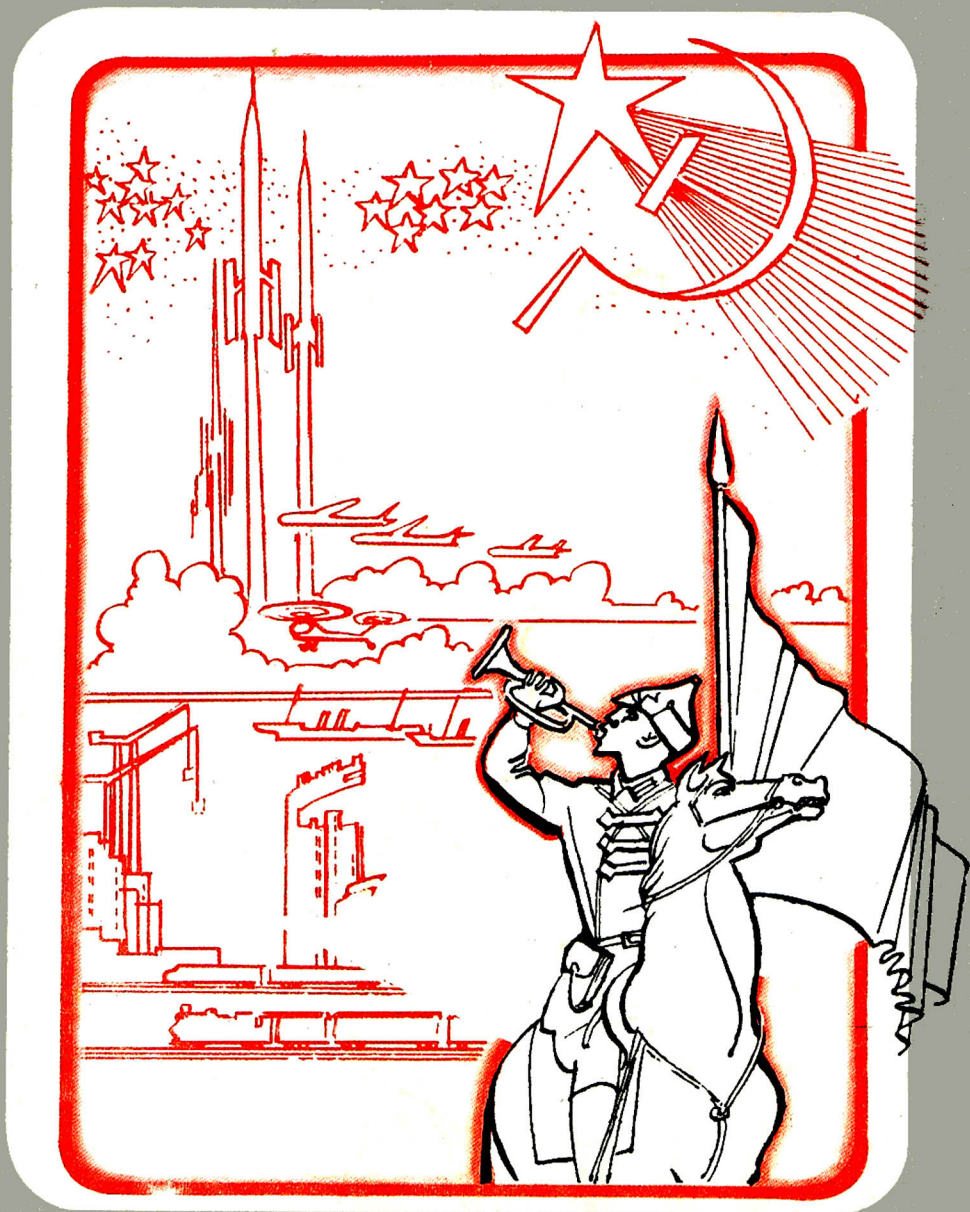

отрочество

отрочество

СТИХИ О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

СТИХИ О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В этой книжке собраны стихи советских поэтов о России — старой и новой, воюющей и создающей, скорбной и радостной, устремленной вперед и думающей...

Одной из самых важных проблем русской советской патриотической лирики стало преодоление противоречия между старой и новой Россией. Что из того, что было в русской жизни до Октября, безвозвратно отошло в прошлое, а что не подвержено времени и навсегда должно остаться в нашем народе? Отыскание меры взаимодействия нового и вечного до сих пор остается творческой и человеческой задачей номер один для всех поэтов, пишущих о России.

Вообще, патриотическая тема в поэзии, может быть, самая сложная. Когда читаешь стихи о Родине, сразу видишь, чего стоит их автор и как поэт, и как человек. Тут есть одна серьезная опасность, которая подстерегает смельчаков, дерзнувших дать себе и читателю отчет в своих чувствах к Родине. Предмет переживаний — огромен, поистине необъятен, и очень часто (гораздо чаще, чем хотелось бы) поэты малодушно устремляются по линии наименьшего сопротивления, упрощая себе задачу, выдавая свою восторженную односторонность за единственно правильный подход к столь ответственной теме. И уже как бы само собою разумеется, что стоит только зарифмовать свою любовь к Родине, как цель достигнута и все задачи решены. Но при этом (тоже как бы само собою) забывается нечто важное, а именно то, без чего и подступаться-то к патриотической теме нельзя, — необходимость нравственного очищения, сознание гражданской ответственности перед такой темой.

Душа настоящего поэта делается строгой к себе, вся как-то собирается, становится опрятней и чище, когда ею овладевает дума о Родине. Этому учит почти двухвековой опыт русской классики, которая еще со времен А. Н. Радищева заповедала: «Человек, чело-

СТИХИ
О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

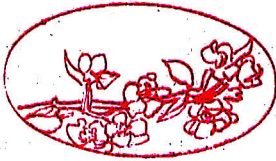
век потребен для ношения имени Сына Отечества!» Советская патриотическая лирика в лице В. Маяковского, С. Есенина, Н. Заболоцкого, А. Твардовского, Н. Рубцова, Н. Тряпкина и др. вполне усвоила эту великую нравственную заповедь.

Перед вами стихи почти пятидесяти советских поэтов. При составлении книжки, помимо художественного уровня, решающую роль играло наличие в произведениях мотива *ответственности* перед Родиной и требователь-

ности к себе. Впрочем, есть здесь и стихи только мажорные, только «признательные», если так можно выразиться, но не они составляют основу книжки.

Читайте: пусть ваш собственный вкус, собственные наклонности подскажут, кого предпочесть. Но главное — учитесь *ответственности* перед Россией. Большинство поэтов, представленных здесь, всей своей судьбою заслужили высокое право преподать нам уроки нравственно-чистого и граждански требовательного патриотизма.

Е. Лебедев

НИКОЛАЙ АСЕЕВ
(1889—1963)

РОССИЯ ИЗДАЛИ

Три года гневалась весна,
три года грохотали пушки,
и вот — в России не узнать
пера и голоса кукушки.

Заводы весен, песен, дней,
отрите каменные слезы:
в России — вора голодней
земные груди гложет озимь.

Россия — лен, Россия — синь,
Россия — брошенный ребенок,
Россию, сердце, возноси
руками песен забубенных.

Теперь там зори поднял май,
теперь там груды черных пашен,
теперь там — голос подымай,
и мир другой тебе не страшен.

Теперь там мчатся ковыли,
и говор голубей развешан,
и ветер пену шевелит
восторгом взмыленных черешен.

Заводы, слушайте меня —
готовьте пламенные косы:
в России всходят зелена
и бредят бременем покоса!

**ЕЩЕ ЗА ДЕНЬГИ
ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ**

Еще за деньги
люди держатся,

как за кресты
держались люди
во времена
глухого Керженца;
но вечно
этого не будет.
Еще за властью
люди тянутся,
не зная меры
и цены ей,
но долго
это не останется —
настанут
времена иные.
Еще гоняются
за славою, —
охотников до ней
несметно, —
стараясь
хоть бы тенью слабою
остаться на земле
посмертно.
Мне кажется,
что власть и почести —
вода соленая
морская:
чем дольше пить,
тем больше хочется,
а жажда
все не отпускает.
И личное твое
бессмертие
не в том,
что кто ты,
как ты,
где ты,
а — всех земных племен
соцветие,
созвездие
людей планеты!
С тех пор
как шар земной наш кружится,
сквозь вечность
продолжая мчаться,
великое
людей содружество
впервые
стало намечаться.
Чтоб все —
и белые,
и черные,

и желтые
земного братства —
вошли в широкие,
просторные
края
всеобщего богатства.

АННА АХМАТОВА

(1889—1966)

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и
грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

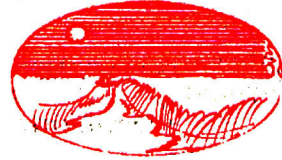
МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на
весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших
часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми
лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
(1922)

В заветных ладанках не носим на
груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на
ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на
калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный
прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно —
своею.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

(1895—1925)

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лацугам,
И очажный огонь мне не мил.
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе инос...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

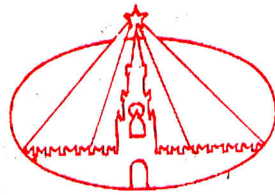
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой
болен.

Преемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла
звучи
И песни нежные лишь только пела
мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым
пределам,
Душой бунтующей навеки
присмирив.

Но и тогда,
Когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ
(1893—1930)

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

На сотни эстрад бросает меня,
на тысячу глаз молодежи.
Как разны земли моей племена,
И разен язык
и одежи!

Насилу,
пот стирая с виска,
сквозь горло тоннеля узкого
пролез.
И глуша прощаньем свистка,
рванулся
курьерский
с Курского!

Заводы.
Березы от леса до хат
бегут,
листочками вороча,
и чист,
как будто слушаешь МХАТ,
московский говорочек.
Из-за горизонтов,
лесаи сломанных,
толпа надвигается
мазанок.

Цветисты бочкá
из-под крыш соломенных,
окрашенные разно.
Стихов навезите целый мешок,
с таланта
можете лопаться —
в ответ
снисходительно cedят смешок
уста
украинца хлопца.
Пространства бегут,
с хвоста нарастав,

их жарит
солнце-кухарка.
И поезд
уже
бежит на Ростов,
далёко за дымный Харьков.
Поля —
на миллионы хлебных тонн —
как будто
их глядят рубанки,
а в хлебной охре
серебряный Дон
блестит
позументом кубанки.
Ревем паровозом до хрипоты,
и вот
началось кавказское —
то головы сахара высят хребты,
то в солнце —
пожарной каскою.
Лечу
ущельями, свист приглушив.
Снегов и папах седьны.
Сжимая кинжалы, стоят ингуши,
следят
из седла
осетины.
Верх
гор —
лед,
низ
жар
пьёт,
и солнце льёт йод.
Тифлисцев
узнаешь и метров за сто:
гуляют часами жаркими,
в моднейших шляпах,
в ботинках носатых,
эткими парижакими.
По-своему
всякий
зубрит азы,
аж цифры по-своему снятся им.
У каждого третьего —
свой язык
и собственная нация.
Однажды,
забросив в гостиницу хлам,
забыл,
где я ночью.

Я
адрес
по-русски
спросил у хохла,
хохол отвечал:
— Не чую.—
Когда ж переходят
к научной теме,
им
рамки русского
узки;
с Тифлисской
Казанская академия
переписывается по-французски.
И я
Париж люблю сверх мер
(красивы бульвары ночью!).
Ну, мало ли что —
Бодлер,
Маларме
и эдакое прочее!
Но нам ли,
шагавшим в огне и воде
годами,
борьбой прожженными,
растить
на смену себе
бульвардье
французистыми пижонами!
Используй,
кто был безъязык и гол,
свободу Советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.
Смотрите на жизнь
без очков и шор,
глазами жадными цапайте
все то,
что у вашей земли хорошо
и что хорошо на Западе.
Но нету места
злобы мазку,
не мажьте красные души!
Товарищи юноши,
взгляд — на Москву,
на русский вострите уши!
Да будь я
и негром преклонных годов,
и то,
без унынья и лени.

я русский бы выучил
 только за то,
 что им
 разговоривал Ленин.
 Когда
 Октябрь орудийных бурь
 по улицам
 кровью лился,
 я знаю,
 в Москве решали судьбу
 и Киевов
 и Тифлисов.
 Москва
 для нас
 не державный аркан,
 ведущий земли за нами,
 Москва
 не как русскому мне дорога,
 а как огневое знамя!
 Три
 разных истока
 во мне
 речевых.

Я
 не из кацапов-разинь.
 Я —
 дедом казак,
 другим —
 сечевик,
 а по рождению
 грузин.
 Три
 разных капли
 в себе совмещав,
 беру я
 право вот это —
 покрыть
 всесоюзных совмещан.
 И ваших
 и русопетов.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
 выгрыз
 бюрократизм.
 К мандатам
 почтения нету.
 К любым
 чертям с матерями
 катись

любая бумажка.
 Но эту...
 По длинному фронту
 купе
 и кают
 чиновник
 учтивый
 движется.
 Сдают паспорта,
 и я
 сдаю
 мою
 пурпурную книжицу.
 К одним паспортам —
 улыбка у рта.
 К другим —
 отношение плевое.
 С почтеньем
 берут, например,
 паспорта
 с двухспальным
 английским левою.
 Глазами
 доброго дядю выев,
 не переставая
 кланяться,
 берут,
 как будто берут чаевые,
 паспорт
 американца.
 На польский —
 глядят,
 как в афишу коза.
 На польский —
 выпяливают глаза
 в тугой
 полицейской слоновости —
 откуда, мол,
 и что это за
 географические новости?
 И, не повернув
 головы кочан
 и чувств
 никаких
 не изведав,
 берут,
 не моргнув,
 паспорта датчан.
 и разных
 прочих
 шведов.

И вдруг,
 как будто
 ожогом
 рот
скривило
 господину.
Это
 господин чиновник
 берет
мою
 краснокожую паспортину.
Берет —
 как бомбу,
 берет — как ежа,
как бритву
 обоюдоострую,
берет,
 как гремучую
 в 20 жал
змею
 двухметроворостую.
Моргнул
 многозначще
 глаз носильщика,
хоть вещи
 снесет задаром вам.
Жандарм
 вопросительно
 смотрит на сыщика,
сыщик
 на жандарма.
С каким наслажденьем
 жандармской кастой
я был бы
 исхлестан и распят
за то,
 что в руках у меня
 молоткастый,
серпастый
 советский паспорт.
Я волком бы
 выгрыз
 бюрократизм.
К мандатам
 почтения нету.
К любым
 чертям с матерями
 катись
любая бумажка.
Но эту...

Я
 достаю
 из широких штанин
дубликатом
 бесценного груза.
Читайте,
 завидуйте,
 я —
 гражданин
Советского Союза.

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора

По небу
 тучи бегают,
дождями
 сумрак сжат.
Под старою
 телегою
рабочие лежат.
И слышит
 шепот гордый
вода
 и под
 и над:
«Через четыре
 года
здесь
 будет
 город-сад!»
Темно свинцовоночье,
и дождик
 толст, как жгут;
сидят
 в грязи
 рабочие,
сидят,
 лучину жгут.
Сливеют
 губы
 с холода,

но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут стройки стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартёнами
воспламеним
Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам

и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».
Рос шепоток
рабочего
над темью
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно —
«город-сад».
Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвель,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ
(1901—1957)

**ПИСЬМО К РЕСПУБЛИКЕ
ОТ МОЕГО ДРУГА**

Ты строишь, кладешь и возводишь,
ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
ты мне отвечаешь: «Да!»
Прости меня за ошибки —
судьба их назад берет.
Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я плоть от твоей плоти
и кость от твоей кости,
И если я много напутал,
ты тоже меня прости.
Наполни приказом мозг мой
и ветром набей мне рот,
Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я спал на твоей постели,
укрыт снеговой корой,
И есть на твоих равнинах
моя молодая кровь,
Я к бою не опоздаю
и стану в шеренгу рот, —
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Такие, как я, срывались
и гибли наперебой.
Я школы твои и газеты
и клубы питал собой.
Такие, как я, поднимали
депо, и забой, и завод, —

Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Такие, как я, сидели
над цифрами день и ночь,
Такие, как я, опускались,
а ты им могла помочь.

Кто силен тобой —
в работе он,
Кто брошен тобой —
умрет.

Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

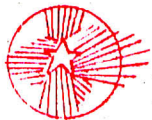
Я вел твои экспедиции,
стоял у твоих реторт,
Я делал свою работу, —
хоть это не первый сорт.
Ты строишь за месяцем месяц,
ты крепнешь за годом год, —
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я шел за тобою следом
с тяжелой, как жизнь, семьей,
И мать, и жена, и сестры
стирали белье твое.
Я проклял квартирную плату,
я проклял водопровод, —
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я сонным огнем тлею
и еле качаю стих,
За то, что я стал холодным, —
ты тоже меня прости.
Но время идет, и стройка идет,
и выпадет мой черед, —
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Три поколения культуры
и три поколения тоски,
И жизнь, и люди, и книги,
прочитанные до доски.
Республика это знает,
республика позовет,
Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной,
Тебе — половина, и мне — половина!
От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!

БОРИС КОРНИЛОВ

(1907—1938)

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОМ

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

И радость поет, не скончая,
и песня навстречу идет,
и люди смеются, встречая,
и встречное солнце встает.

Горячее и бравое,
бодрит меня,
страна встает со славою
на встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
и ты улыбнешься друзьям,
с которыми труд, и забота,
и встречный, и жизнь — пополам.

За Нарвскою заставою,
в громах, в огнях,
страна встает со славою
на встречу дня.

И с ней до победного края
ты, молодость наша, пройдешь,
покуда не выйдет вторая
навстречу тебе молодежь.

И в жизнь вбежит оравую,
отцов сменя.

Страна встает со славою
на встречу дня

...И радость никак не запрятать,
когда барабанщики бьют:
за нами идут октябрюта,
картавые песни поют.

Отважные, картавые,
идут, звеня.
Страна встает со славою
на встречу дня.

Такою прекрасною речью
о правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
когда, звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
(1892—1941)

РОДИНА

О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалась она —
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних

звезд —

Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь, —
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

ДМИТРИЙ КЕДРИН

(1907—1945)

КУКЛА

Как темно в этом доме!
Тут царствует грузчик багровый,
Под нетрезвую руку
Тебя колотивший не раз...
На окне моем — кукла.
От этой красотки безбровой
Как тебе оторвать
Васильки загоревшихся глаз?

Что ж!
Прильни к моим стеклам
И красные пальчики высунь...
Пес мой куклу изгрыз,
На подстилке ее теребя.
Кукле — много недель!
Кукла стала курносой и лысой.
Но не все ли равно?
Как она взволновала тебя!

Лишь однажды я видел:
Блестали в такой же заботе
Эти синие очи,
Когда у соседских ворот
Говорил с тобой мальчик,
Что в каменном доме напротив
Красный галстучек носит,
Задорные песни поет.

Как темно в этом доме!
Ворвись в эту нору сырую
Ты, о время мое!
Размечи этот нищий уют!
Тут дерутся мужчины,
Тут женщины тряпки воруют,
Сквернословят, судачат,
Юродствуют, плачут и пьют.

Дорогая моя!
Что же будет с тобой?
Неужели
И тебе между них
Суждена эта горькая часть?
Неужели и ты
В этой доле, что смерти тяжеле,
В девять — пить,
В десять — врать
И в двенадцать —
Научишься красть?

Неужели и ты
Погрузишься в попойку и в драку,
По намекам поймешь,
Что любовь твоя —
Ходкий товар,
Углем вычернишь брови,
Нацепишь на шею — собаку,
Красный зонтик возьмешь
И пойдешь на Покровский бульвар?

Нет, моя дорогая!
Прекрасная нежность во взорах
Той великой страны,
Что качала твою колыбель!
След труда и борьбы —
На руке ее известь и порох,
И под этой рукой
Этой доли —
Бояться тебе ль?

Для того ли, скажи,
Чтобы в ужасе,
С черствою коркой
Ты бежала в чулан
Под хмельную отцовскую дичь,—
Надрывался Дзержинский,
Выкашливал легкие Горький,
Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич?

И когда сквозь дремоту
Опять я услышу, что начат
Полуночный содом,
Что орет забулдыга отец,
Что валится посуда,
Что голос твой тоненький плачет,—
О терпенье мое!
Оборвешься же ты наконец!

И придут комсомольцы,
И пьяного грузчика свяжут.

И нагрянут в чулан,
Где ты дремлешь, свернувшись
в калач,

И оденут тебя,
И возьмут твои вещи,
И скажут:
— Дорогая!
Пойдем,
Мы дадим тебе куклу.
Не плачь!

АЛЕНУШКА

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Знаю, что не раз лихая сила
У глухой околицы в лесу
Ножичек сапожный заносила
На твою нетленную красу.

Только все ты вынесла и снова
За раздольем нив, где зреет рожь,
На пеньке у омута лесного
Песенку Алenuшки поешь...

Я бродил бы тридцать лет по свету,
А к тебе вернулся б умирать,
Потому что в детстве песню эту,
Знать, и надо мной певала мать!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

(1896—1979)

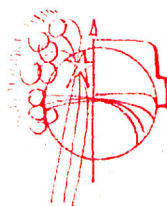
СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

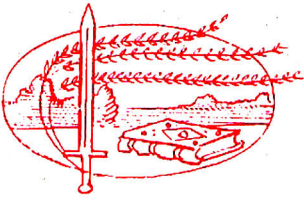
Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря.
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет, —
И проще в мире флага нет;
В нем — нашей славы жаркий цвет, —
И жарче в мире флага нет;
В нем — нашей силы грозный свет, —
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных
лет, —

Правдивей флага нет!

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ
(1903—1958)

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть
горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце

леденит,
Уж бедный мир, забыв свои
страдания,
Затихнул весь, и только вдаль
Кузнечик, маленький работник
мироздания,
Все трудится, поет, не требуя
вниманья, —
Один, на непонятном языке...
О тихий час, начало летней ночи!
Деревня в сумерках. И возле темных
хат
Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.

И вижу я сквозь темноту ночную,
Когда огонь над трубкой вспыхнет
вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомленных
рук.
И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.

Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,

Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Та книга выпала из некой грозной
тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней написана рукой судеб
могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.

А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля,
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.
Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая
вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...

Где ты, старик, рассказчик мой
ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой
И верил ли в годину искупленья?
Не знаю я... Ты умер, наг и сир,
И над тобою, полные кипенья,
Давно шумят иные поколенья,
Угрюмый перестраивая мир.

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним,—
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

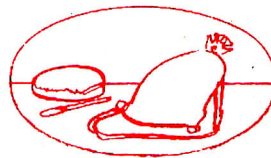
Говорил, как жизнь расправит
крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет,—

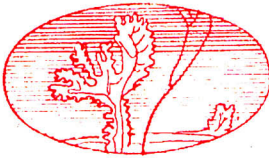
Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыли,

И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

(1914—1948)

ДОРОГА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Холмы и курганы
вблизи и вдали —
мозоли войны
на ладонях земли.

На всех расстояниях
шумит чернобыл —
от ханской орды
до фашистских могил!

Разрой чернозем
и взгляни:
что ни шаг —
над костью монгольской
тевтонский шишак,

французские ружья
с суглинком в стволе
(цейхгауз бесславья,
зарытый в земле)...

Оружье и череп —
гробница врагов.

Над нею комбайн
и пшеница веков,
и тридцать железных
бессмертных ветров
над башнями
танкеров
и крейсеров.

Земля моя знала
веселие бед,
столетья нашествий,
миллионы побед.

...Мы солнце куем,
и не ведаем мы,
когда нашу землю
поранит фугас,
но знаем —
тогда уж возникнут
холмы
на том континенте,
что выстрелит в нас.

Мы,
веря всю жизнь
в справедливость свою,
в любую невзгоду —
под Млечным Путем —
пощады не просим
в открытом бою,
а в гневе
прощенья врагам
не даем!

ИСКУПЛЕНИЕ

С нами рядом бежал человек.
Нам казалось: отстанет — могила.
Он упал у траншеи.
На снег
малодушье его повалило.
Перед строем смотрел в тишину.
Каждый думал: он должен в
сраженьи
искупить своей кровью вину
перед павшим, вторым отделением.

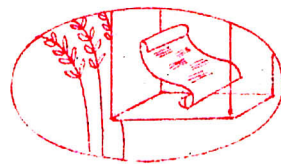
Силой взглядов друзей боевых
в безысходном его разуверьте:
он обязан остаться в живых,
если верит в бессилие смерти.

— Что таишь в себе, зимняя мгла?
— Проломись сквозь погибель и
вызнай!

Он идет.
И, ползя сквозь снега,
не своею, а кровью врага
искупает вину пред Отчизной.

...Наш солдат, продираясь сквозь ад,
твердо верит, в бою умирая,
что и в дрогнувшем сердце солдат
есть какая-то сила вторая.

Это — думы о доме родном,
это — тяжкого долга веленье,
это — все, что в порыве одном,
обещает судьбе искупленье.

СЕРГЕЙ МАРКОВ

(1906—1979)

РУССКАЯ РЕЧЬ

Я — русский. Дышу и живу
Широкой, свободною речью.
Утратить ее наяву —
Подобно чуме иль увечью.

Бессмертной ее нареки!
Ее колыбель не забыта;
В истоках славянской реки
Сверкают алмазы санскрита.

Чиста, как серебряный меч
И свет в глубине небосвода,
Великая русская речь —
Надежда и счастье народа.

Мне снилось: пытали огнем
И тьмою тюремного крова,
Чтоб замерли в сердце моем
Истоки могучего слова.

Но вновь я познал наяву
Ровесницу звездного свода,—
Я снова дышу и живу
Надеждой и счастьем народа!

ЗНАЮ Я — МАЛИНОВОЮ РАНЬЮ...

*Посвящается
Галине Петровне Марковой*

Знаю я — малиновою ранью
Лебеди плывут над Лебедянью.
А в Медыни золотится мед;

Не скопá ли кружится в Скопине?
А в Серпейске ржавой смерти ждёт
Серп горбатый в дедовском овине.

Наливные яблоки висят
В палисадах тихой Обояни,
Город спит, но в утреннем сиянье
Чей-нибудь благоуханный сад.

И туман рябиновый во сне
Зыблется, дороги окружая,
Горечь можжевеловая мне
Жжет глаза в заброшенном Можгае.

На заре Звенигород звенит —
Будто пчелы обновляют соты,
Все поет — деревья, камни, воды,
Облака и ребра древних плит.

Ты проснулась... И лебяжий пух —
Лепестком на брови соболиной,
Губы веют теплою малиной,
Звоном утра околдован слух.

Белое окошко отвори!
От тебя, от ветра, от зари
Вздоргнут ветки яблони тяжелой,
И росой омытые плоды
В грудь толкнут, чтоб засмеялась
ты

И цвела у солнечной черты,
Босоногой, теплой и веселой.

Я тебя не видел никогда...
В Тёмникове темная вода
В омуте холодном ходит кругом;
Может быть, над омутом седым
Ты поешь, а золотистый дым
В три столба встает над чистым
лугом.

На Шехонь дорога пролегла,
Пыльная, кремнистая дорога.
Сторона веснянская светла.
И не ты ль по косогору шла
В час, когда, как молоко, бела
Медленная тихая Молога?

Кто же ты, что в жизнь мою вошла:
Горлица из древнего Орла?
Любушка из тихого Любима?
Не ответит, пролетая мимо,
Лебедь, будто белая стрела.

Или ты в Архангельской земле
Рождена, зовешься Ангелиной,
Где морские волны с мерзлой глиной
Осенью грызутся в звонкой мгле?

Зимний ветер и упруг и свеж,
По сугробам зашагали тени,
В инее серебряном олени,
А мороз всю ночь ломился в сени.
Лыдинкою мизинца не обрежь,
Утром умываючись в Мезени!

На перилах синеватый лед.
Слабая снежинка упадет —
Таять на щеке или реснице.
Погляди! На севере туман,
Ветер, гром, как будто океан,
Небом, тундрой и тобою пьян,
Ринулся к бревенчатой светлице.

Я узнаю, где стоит твой дом!
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе!

*ВАСИЛИЙ
ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ*
(1898—1949)

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

КОНСТАНТИН СИМОНОВ
(1915—1979)

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги
Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые
женщины,
Прижав, как детей, их к увядшей
груди,

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь
вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем
верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь
из глаз:
Деревни, деревни, деревни с
погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской
околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды
молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки
Родина —
Не дом городской, где я празднично
жил,

А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских
могил.

Не знаю, как ты, а меня с
деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и с песнею
женскою
Впервые война на проселках свела.
Ты помнишь, Алеша: изба под
Борисовом,
По мертвому плачущий девичий
крик,
Седая старуха в салопчике
плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый,
старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли
мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала:
«Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» — говорили нам
пажители.
«Мы вас подождем!» — говорили
леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне
кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только
пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже
вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне
завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская
женщина
По-русски три раза меня обняла.

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом
надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

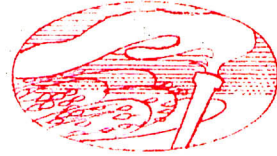
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Ключок земли, припавший к трем
березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось
родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы
нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей
земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу,
в морозы,

Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

(1899—1968)

РОССИИ

Взлетел расщепленный вагон!
Пожары... Беженцы босые...
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна, —
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордись тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним,
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,
Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры
И в кедраче над Уссури
Шаманскую личину тигра.

Люблю твое речное дно
В ершах, и раках, и русалках;
Моря, где в горизонтах валких,
Едва меж волнами видно,
Рыбачье судно мочит парус,
И прямо в небо из воды
Дредноут в космах бороды
Выносит театральный ярус.

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованье лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья.

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт:
Всегда событие! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

Люблю великий русский стих,
Не всеми понятый, однако,
И всех учителей своих —
От Пушкина до Пастернака.
Здесь та большая высота,
Что и не пахнет трын-травой,
Недаром русское всегда
Звучало в них как мировое.

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской
хваткой.

Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс,
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

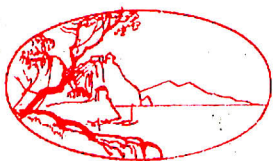
Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполетах
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычною неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясиину,

И ныне воспринять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и врали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удушье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

(1903—1964)

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца,—
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где
родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

ТРИБУНАЛ

Пусть никто не плачет, не рыдает,
Слабостям в любви пощады нет —
Чувств моих сегодня заседает
Революционный комитет.

Заседатель-память, обвиняй:
Можно ли в дешевое влюбляться?
Здесь не равнодушный нагоняй,
Здесь — расстрел без всяких

апелляций.
Заседатель-детство! Скажешь всем,
Кто обидел сказку? Кто предатель?
Всхлипывает громко
не совсем

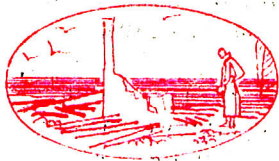
Совершеннолетний заседатель.
Заседатель-старость! Объяви —
До секрета счастья мы дознались?
Панораму разверни любви,
А не поликлиники анализ...

Я еще в годах двадцатых знал,
Бегая по юности просторам,
Что наступит этот трибунал
С точным, беспощадным приговором.
Скоро ль будет счастлива земля?
Не в торжественном, священном

гимне,

А сомной все горести деля,
Партия моя, скажи мне!
Как ты вычерпаешь, комсомол,
Бездну человеческого горя?
Суд на совещание ушел,
Мы сидим и мерзнем в коридоре.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

(1900—1973)

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ..

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застрали в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай,
Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник
возвращения
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вдохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

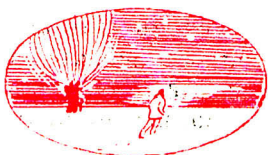
«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слезка несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

БОРИС ПАСТЕРНАК
(1890—1960)

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал,
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И восанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.

Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двойкий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

ВЕСНА

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвезть столетье.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

(1910—1975)

МОЙ ДОМ

А в доме, где жила я много лет,
откуда я ушла зимой блокадной,
по вечерам опять в окошках свет.
Он розоватый, праздничный,
нарядный.

Взглянув на бывших три моих окна,
я вспоминаю: здесь была война.

О, как мы затемнялись! Ни луча...
И все темнело, все темнело в мире...
Потом хозяин в дверь не постучал,
как будто путь забыл к своей
квартире.

Где до сих пор беспамятствует он,
какой последней кровлей осенен?

Нет, я не знаю, кто живет теперь
в тех комнатах, где жили мы с тобою,
кто вечером стучится в ту же дверь,
кто синеватых не сменил обоев —
тех самых, выбранных давным-
давно...

Я их узнала с улицы в окно.

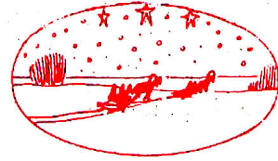
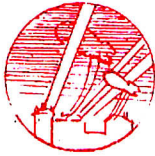
Но этих окон праздничный уют
такой забытый свет в сознание будит,
что верится: там добрые живут,
хорошие, приветливые люди.

Там даже дети маленькие есть
и кто-то юный и всегда влюбленный,
и только очень радостную весть
сюда теперь приносят почтальоны.

И только очень верные друзья
сюда на праздник сходятся
шумливый.
Я так хочу, чтоб кто-то был
счастливым
там, где безмерно бедствовала я.

Владейте всем, что не досталось мне,
и всем, что мною отдано войне.

Но если вдруг такой наступит день —
тишайший снег и сумерек мерцанье,
и станет жечь, нагнав меня везде,
блаженное одно воспоминанье,
и я не справлюсь с ним, и, постучав,
приду в мой дом и встану на пороге,
спрошу... ну, там спрошу: «Который
час?»
или — воды, как на войне в дороге, —
то вы приход не осуждайте мой,
ответьте мне доверьем и участием:
ведь я пришла сюда к себе домой,
и помню все, и верю в наше счастье...

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

(1913—1972)

РЯЗАНСКИЕ МАРАТЫ

Когда-нибудь, пускай предвзято,
обязан будет вспомнить свет
всех вас, рязанские Мараты
далеких дней, двадцатых лет.

Вы жили истинно и смело
под стук литавр и треск пальбы,
когда стихала и кипела
похлебка классово́й борьбы.

Узнав о гибели селькора
иль об убийстве избача,
хватали вы в ночную пору
тулуп и кружку первача

и — с ходу — уезжали сами
туда, с наганами в руках.
Ох эти розвальни и сани
без колокольчика, впотьмах!

Не потаенно, не келейно —
на клубной сцене, прямо тут,
при свете лампы трехлинейной
вершились следствие и суд.

Не раз, не раз за эти годы —
на свете нет тяжелее дел! —
людей, от имени народа,
вы посылали на расстрел.

Вы с беспощадностью предельной
ломали жизнь на новый лад
в краю ячеек и молелен,
среди бескорыстья и растрат.

Не колебались вы и мало.
За ваши подвиги страна

вам — равной мерой — выдавала
выговора и ордена.

И гибли вы не в серной ванне,
не от надушенной руки.
Крещенской ночью в черной бане
вас убивали кулаки.

Вы ныне спите величаво,
уйдя от санкций и забот,
и гул забвения и славы
над вашим кладбищем плывет.

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блесках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в
наши жены примеряли каски. сказке

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою земли удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

ИСТОРИЯ

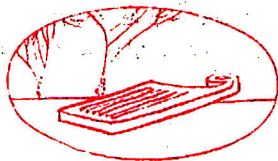
И современники и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
шагов Истории самой.

Она свою тьмой и светом
меня омыла и сожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей
вся та преемственность и связь.

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

(1913—1968)

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная — живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он язык луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.
Он, как наши мечты, велик,
Животворный русский язык!

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

(1909—1969)

* * *

Куда ни помотришь — родные,
Открытые сердцу края.
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя.

Не ты ли меня окружила
Простором лугов и полей,
Не ты ли меня подружила
С задумчивой музыкой моей!

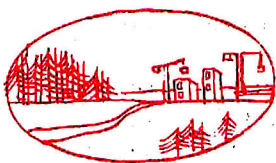
Не ты ль полновесного слова
Открыла мне все закрома...
Я знаю — за это сурово
С меня ты и спросишь сама!

Не раз к твоему придорожью
Приду я от песенных рек,
Чтоб даже нечаянной ложью
Тебя не унижить вовек.

Так спрашивай строже — отвечу
За все: за подруг и друзей,
За самую краткую встречу
С задумчивой музыкой моей,

За песни, которым впервые
Внимают родные края...
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя!

АЛЕКСАНДР
ТВАРДОВСКИЙ

(1910—1971)

ДОРОГА ДОРОГ

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами
голыми,

Как вехами, вся обозначена
кранами —
Стальными гигантского века
глаголями,

Возносят свое многотонное кружево
Они над Сибирью, их громом
разбуженной,
Сибирью, по фронту всему
атакуемой.

С ее Погорюй — Потоскуй —
Покукуями.

Встают над тылами ее необжитыми,
Что вдруг обернулись «Магнитками»
новыми,

Над стройками, в мире уже
знаменитыми,
И теми, что даже не наименованы.

Краина, что многих держав
поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой
строительной.

Размеченной грубо карьерами
рваными;

Вразброс котлованами и эстакадами,
Неполными новых проспектов

порядками,
Посадками парков, причалами,
складами,

Времянками-арками и
танцплощадками.
В места, по прозванию, не столь
отдаленные,
Хотя бы лежали за дальними далями,
И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными
теплоцентралями, —
В места, что под завтрашний день
застолбованы,
Вступает народ, богатырь
небалованный.

Ему — что солдату на фронте — не
в новости
Жары и морозы железной суровости,
Приварок, в частушках недаром
прославленный,
И хлеб, тягачами на место
доставленный.

Не стать привыкать — за привалами
редкими —
Ему продвигаться путями
неторными:

Взращен Пятилетками и
Семилетками
И целой эпохи походными нормами;
Годами труда, переменами
столькими;

Краями, для дел богатырских
привольными;
Своими большими и малыми
стройками —
В прослойку с большими и малыми
войнами.

Какие угрюмые горы с ущельями,
В снегах прогревая бивачными
дымами,

Прошел он навывлет стволами-
тоннелями,
Мостами сцепив берега нелюдимые!
В какие студеные дистрикты суровые
Врубаясь дорог протяженными
клиньями,

Он ввез города на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на
линии!

Он знает про силу свою молодецкую,
Народ, под великий залог
завербованный,

Все может! И даже родную советскую
Словцом помянуть, с топора

кантованным.

Хозяин! А время крутое, рабочее —
Не время для слов умилительной

кротости.

Вселенная — пусть она встала на
очередь,

Забот на Земле остается до пропасти.

Простора довольно для нынешних
подвигов,

Что в завтрашнем блеске со счету
не сбросятся.

...А где мое слово, что было бы
подлинным,

Тем самым, которое временем
спросится?

Пускай оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной
емкое.

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца,
сердечное.

Простое, земное — пускай не
падзвездное,
Веселое к месту и к месту серьезное.

Но только бы даль в нем была
богатырская,
Как русское это раздолье сибирское;

Как эта моя, осененная кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

БЕРЕЗА

На выезде с кремлевского двора,
За выступом надвратной башни

Спасской,

Сорочьей черно-белую раскраской
Рябее — вдруг — прогиб ее ствола.

Должно быть, здесь пробилась
самосевою,

Прогнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,

Высвобождая крону из тени...

Ее не видно по пути к царь-пушке
За краем притемненного угла.

Простецкая — точь-в-точь с лесной
опушки,

С околицы забвенной деревушки,
С кладбищенского сельского бугра...

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть, и вновь терять свой
лист,

И красоваться в серебре морозном,
И на ветвах качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване

Грозном,

И вздрагивать во мгле сторожевой
От гибельного грохота и воя,
Когда полосовалось над Москвой
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет

На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы,

Где только по звонку, блюда черед,
Машины — вниз — на площадь, на

народ,

Ныряли под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И столькох здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз,

Своих, чужих — каких там ни
попало, —

И отразилась в столькох парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным

взглядом

В тот краткий миг, как пронеслись
рядом...

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле — поди
взгляни

На эту неприметную березу.
Какая есть — тебе предстанет вся,
Запас диковин мало твой пополнит,
Но что-то вновь тебе напомнит,
Чего вовеки забывать нельзя...

* * *

На новостройках в эти годы
Кипела главная страда:
Вставали в заревах заводы,
Росли под небо города.

И в отдаленности унылой
За той большой страдой село,
Как про себя ни гомонило,
Уже угнаться не могло.

Там жизнь неслась в ином разгоне,
И по окраинам столиц
Вовсю играли на гармонии,
Что на селе перевелись.

А тут — притихшие подворья.
Дворы, готовые на слом,
И где семья, чтоб в полном сборе
Хоть в редкий праздник за столом?

И не свои друзья-подружки,
А, доносясь издалека,
Трубило радио частушки
Насчет надоев молока.

Земля родная, что же случилось,
Какая странная судьба:
Не только юность, но и старость —
Туда же, в город, на хлеба,

Туда на отдых норвила
Вдали от дедовских могил...

Давно, допустим, это было,
Но Ты-то сам когда там был?

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

(1919—1981)

В ТЕ ГОДЫ

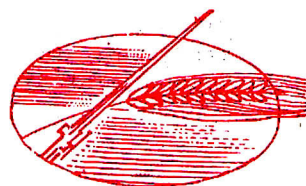
Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казенных городов
По горестной, по русской, по
родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням
равный,
Я села, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням
верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой
безмерный,
Которой мезтью мстить мне за тебя?

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

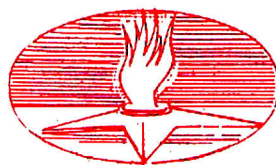
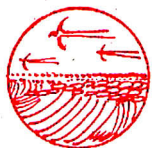
(1921—1977)

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.
По плугу тосковали руки,
Тянули, как магнит, поля.
Да, он почувствовал в разлуке,
Что значит для него земля...

Он думал, жег табак в ночи,
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Горькаво пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий...

Солдат за плугом в вешний дым
Пошел торжественно полями,
Как будто не заря над ним —
Гвардейское пылало знамя.

МИХАИЛ ДУДИН

(р. 1916)

* * *

Мне все здесь дорого и свято
У черных Пулковских высот:
Могила русского солдата,
На желтом бруствере осот,
Мать-мачехой и повиликой
С боков обросший капонир,
Перевороченный и дикий —
Какой-то первозданный мир.
Кирпичная щербатая стена,
Моих друзей простые имена.

Мне хочется, чтоб девушки и дети
Пришли сюда на утреннем рассвете,
Чтоб день был светел, чтобы ветер
тих,
Чтоб солнце золотилось на дороге.
...Забудь свои печали и тревоги,
Здесь мертвые спокойны за живых.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Без малого четыре года
Гремела грозная война.
И снова русская природа
Живого трепета полна.

Там, где мы брали кровью, с бою,
Противотанковые рвы,
Цветы, обрызганы росой,
Встают, качаясь, из травы.

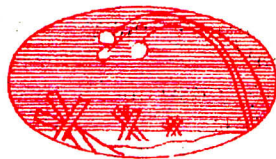
Где ночь от ярких молний слепла,
Кипела в заводях вода, —

Из камня, щебня и из пепла
Встают родные города.

И вот дорогою обратной,
Непокоряемый век,
Идет, свершивши подвиг ратный,
Великий русский человек.

Он сделал все. Он тих и скромн.
Он мир от черной смерти спас.
И мир, прекрасен и огромен,
Его приветствует сейчас.

А сзади темные могилы
Врагов на дальнем берегу —
О нашей доблести и силе
Напоминание врагу.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

(р. 1923)

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, поднимающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый,
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в
лоб, —
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,
Но стучит над шинельным сукном
пулемет,

И тогда
еле слышно
сказал
комиссар:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты,
вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они неподвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем
Получившим оружие
Даны...

Сосчитали штандарты побитых
держав,

Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорузлых,
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на
Днепре.

И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

И когда не хватало
«Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на
плот,

Еле слышно
сказал
молодой инженер:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты,
вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин
в синеву —

И не встать под огнем у шестого кола.
Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,

От беженцев взгляд отводя.
И на башнях
Закопанных в пашни КВ
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда
еле слышно

сказал
командир:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты,
вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий
шелка

И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В Мае
Прошли у древка...

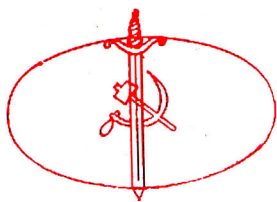
Под февральскими тучами
Ветер и снег,
Но железом нестынушим пахнет
земля.

Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля.
Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного
невпроворот,

Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:

— Коммунисты, вперед!
Коммунисты,
вперед!

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ
(1918—1984)

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень под твоей стопой.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду с тобою.

Когда аркан над головой свистел
И шум пиров катился по улусам,
Другой бы постарел и поседел,
А я русел,
Я становился — русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысил и травы,
А я все рос,
Я становился — выше.

И кровь была дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитою,
Другой ожесточился бы давно,
А я добрел — твоею добротой.

По грозам, по ветрам да по снегам
Я заучил твои степные песни.
Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей ровесник.

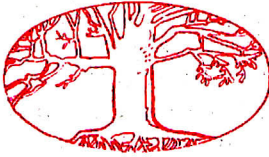
Мы стали и моложе и новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога стала только круче,
Моя задача — только тяжелей.

Кто на горе,
Тот раньше солнце встретит,
Кто среди друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки на крутом пути.

А мудрый в дружбе
О друзьях печется,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнется,
Как всюду
Закачаются моря.

Дробится камень под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём давно минувшем, —
Дай и в грядущем
Мне побыть с тобой.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ
(р. 1925)

ОСНОВА

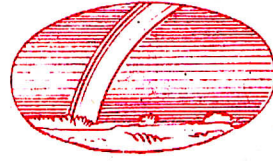
Всей перешедшей по наследству
плотью,
Всем обликом,
которым дорожу,
К широкому в плечах простонародью
Я от рождения принадлежу.

К тому, что под гармонику вопило,
Что, лугая подсолнух на ходу,
Блестящие проспекты затопило
Сермягами в семнадцатом году.

Наследственности сложного вопроса
Не подыму,
а лишь коснусь слегка.
Моя родня отчаянно курноса
И в скулах непомерно широка.

Я от земли ушел бесповоротно,
Сапог не шить и не скорняжить мне.
И все ж моя душа простонародна
В своей основе, в самой глубине.

Я не желаю ничего иного,
И я живу, уверенность храня:
Здорова и сильна моя основа,
В тяжелый час она спасет меня.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ
(1905—1980)

ОТЧИЗНА

Мне
Хочется,
Чтоб ты оделась лучше.
Не в романтические облака,
Не в громовые-грозовые тучи,
А попросту — и в ситцы, и в шелка.
И хочется,
Чтоб омывалась чаще
Ты самым освежающим дождем,
Блещающим все чище и все слаще.
К тому ведем
И к этому идем!

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

(р. 1922)

* * *

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой? Солдат и
землепашец.
Кто дед мой? Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины — те в руках своих
держали
то плуг, то меч... А бабы —
жены их —
солдат земле да пахарей рожали.

Ни генералов нету, ни вельмож
в моем роду. Какие там вельможи...
Мой прадед, так сказать, не вышел
рожей,
а дед точь-в-точь был на него похож.

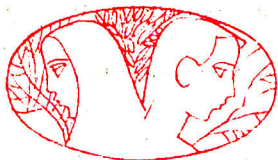
И все ж я горд, — свидетельствую
сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
которое в истории России
не значится совсем по именам.

Не значится... Но коль невмоготу
терпеть ему обиды становилось,

о, как дрожать вельможам
доводилось,
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на древе могучем.
Шумит оно, когда клубятся тучи, —
и я шумлю... Молчит — и я молчу.

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

(р. 1924)

* * *

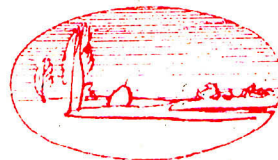
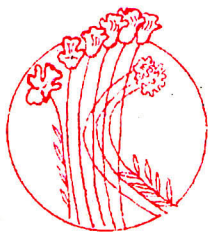
Она меняется с годами
В своей державной высоте.
И мы гордимся все упрямей:
«И Русь не та, и мы не те!»

Но как бы это к неким срокам,
Достигнув новой высоты,
Не исказить нам ненароком
Ее прекрасные черты.

А то потом найдем кручину:
Ну хорошо ли, если мать
Уж так изменится, что сыну,
Что даже сыну не узнать?

Вот он дождется с нею встречи,
И вдруг, смотри, беда стряслась:
Ни прежней, с детства милой речи,
Ни русских кос,
Ни синих глаз...

Россия-мать,
Святой и зримый
Да будет жребий твой велик!
Но сохрани неповторимый
Свой материнский светлый лик.

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

(р. 1918)

СКРИП МОЕЙ КОЛЫБЕЛИ

Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Смутная греза жизни,
Зимний покой в избе.
Слышу тебя издалёка,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
Песню пою тебе.

Сколько прошло морозов!
Сколько снегов промчалось!
Сколько в полях сменилось
Пахарей и гонцов!
Скрип моей колыбели!
Жизни моей начало.
Скрип моей колыбели!
Думка моих отцов.

То ли гудок пастуший,
То ли поход вчерашний,
То ли моих кормилиц
Голос в ушах стоит...
Скрип моей колыбели!
Вымах отцовской шашки.
Скрип моей колыбели!
Звон боевых копыт.

Сколько снегов промчалось!
Сколько дождей пролилось!
Сколько опять — в коренья,
Сколько опять — в зерно!
Грозы прошли над миром,
Древо отцов свалилось,
И на сыновние плечи
Прямо упало оно.

Пусть же на тех погостах
Грустно поют свирели,
Пусть говорят на струнах
Ветры со всех сторон.
Пусть же послышится в песне
Скрип моей колыбели —
Жизни моей человеческой
Благословенный сон.

Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Древняя сказка прялки,
Зимний покой в избе.
Слышу тебя издалёка,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
Песню пою о тебе.

* * *

Среди лихой всемирной склоки,
Среди пожаров и смертей
Все реки наши и потоки
Для нас все ближе и святей.

И каждый цвет, и прозябанье,
И солнца вешнего набат...
Земля моя! Мое сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

Но как страшны твои дороги
Среди людских кровавых смут!
Какие дьявольские роги
Из каждой пропасти ревут!

И рвутся взрывы огневые,
Живую плоть твою губя,
И не хотят сыны мирские
Прожить достойными тебя.

И кто решит: какую участь
Готовит нам железный хай?
И я молю твою живучесть
И вновь кричу: не иссякай!

Увы! Не древние Титаны
Из бездны дыбом поднялись,
А племена твои и страны
В звериной ярости сплелись.

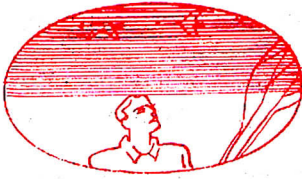
И расщепляются стихи,
И рвутся тверди под Ядром.
И снова ты, моя Россия,
Встаешь смирительным щитом.

Прости, великая Отчизна!
Не утомлю тебя хвалой.
Но не справляй последней тризны
Над этим прахом и золой.

Не допусти такого срока!
Да сгинет в прорву сатана!
И подвиг святости высокой
Зачтут Иные времена.

И повторят твоё названье
И всякий зверь, и всякий гад...
Земля моя! Мое сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

(р. 1928)

* * *

Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Ее соловьиного гнева,
Ее журавлиной любви.

Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе,

Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звездам, как девочке русой,
Которая возле меня.

ХЛЕБ

Зима. Бочком из переулка
Выходит, звякая, трамвай.
На тумбах снег. Он то как булка,
А то как пышный каравай.

Свежо и холодно под небом.
Круглы и мягки облака...
Да бог с ним, с этим белым хлебом,
Хватало б черного пока.

Я помню хлеб.
Уже не будет
Такого хлеба никогда.
Пусть даже затемно разбудят
Иные черные года

Тяжелым ходом эшелонов...
Я помню хлеб сладчайший тот,
Что до отмены всех талонов
Я получал за день вперед.

«Везут, везут!» Фургон тащился.
Снег под полозьями звенел.
Ах этот хлеб... Как он крошился,
Как на морозе руки грел!

О эти годы! О отрада,
О позабывшаяся честь,
Что мне, как будто так и надо,
Как большинству, хотелось есть.

Мы родины не выбирали,
Но если б выбор был у нас,
Я б выбрал только эти дали,
Иных не мысля про запас.

Кочуют вьюги, едут люди.
Дрожат под скорыми мосты.
В ожогах неба, как в полуде,
Взывает спутник с высоты:

«Не уставай. С моей судьбою
Соотноси, поэт, свой путь,
Земли не чужь под собою,
Всю землю чужь под собою,
Но лишь искусственным не будь».

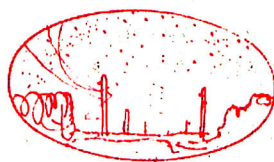
Зима. Бочком из переулка
Выходит, звякая, трамвай.
На тумбах снег. Он то как булка,
А то как пышный каравай.

А я слежу, как, выйдя в небо,
Превысив сказочный лубок,
Дитя родительского хлеба,
Витают этот колобок.

Пусть даже затемно разбудят
Еще безвестные года.
Я помню хлеб.

Уже не будет
Такого хлеба никогда.

Несут хозяйки булки, сайки.
Но песня за душу берет:
И я на той военной пайке
Опять живу за день вперед.

АЛЕКСЕЙ ПРАСОЛОВ
(1930—1972)

* * *

Грязь колеса засосала,
Из-под шин — ядерная картечь.
О дорога! Здесь машине мало
Лошадиных сил и дружных плеч.

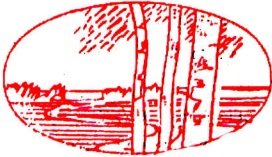
Густо кроют мартовское поле
Злые зерна — черные слова.
Нам, быть может, скажут:
не грешно ли
После них младенцев целовать?..

Ну, еще рывок моторной силы!
Ну, зверейте, мокрые тела!
Ну, родная мать моя Россия,
Жаркая, веселая — пошла!

Нет, земля, дорожное проклятье —
Не весне, не полю, не судьбе.
В сердце песней — нежное зачатье,
Как цветочным семенем — в тебе.

И когда в единстве изначальном
Вдруг прорвется эта красота,
Людам изумленное молчанье
Размыкает грешные уста.

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

(р. 1930)

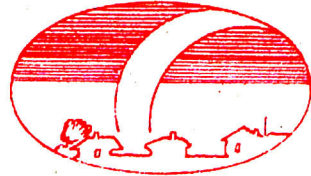
* * *

Зеленые дали померкли.
Но осень суха и чиста.
По старой разрушенной церкви
Узнаю родные места.

Динамик гремит у дороги
О первых полетах к Луне.
Давно позабыли о боге
В родимой моей стороне.

Трава зеленеет привольно
В проломах заброшенных стен.
Взбираются на колокольню
Рогатые черти антенн.

И только у края покоса
Над желтой осенней парчой
Тревожно мерцает береза
Нетающей тонкой свечой.

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

(р. 1931)

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Ф. А. Абрамову

Не крыши, крытые соломой,
не труд с рассвета до зари,
не вкус слезы ее соленой —
а свет, идущий изнутри!

Не путы права крепостного,
не худоба пустых полей,
не гомон пения хмельного —
а совесть нации моей!

Не только с поля-огорода
делилась сущою едой,
но кровь огромного народа
своей питала — чистотой!

И если что-то есть и дышит
в моей строке, сверля покой,
оно идет на сердце — свыше:
от тех избушек над рекой!

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

(р. 1932)

* * *

А все ж, куда ни посмотри,
жизнь изменилась, несомненно.
Вдоль набережной фонари,
и что ни дом — телеантенна.
Построили гигантский мост,
увы, не то чтобы до звезд,
но все же смотрится отменно.
В афишах модные артисты,
а скоро в городе моем
пойдут толпою интуристы...
Но что я, господа, о чем?
Мы снова главное забыли,
неуловимое, оно,
как облако холодной пыли,
весенним ветром сметено.
Живу на родине, и дым
отчизны горек, но приятен.
(За эту мысль мы щедро платим,
иллюзий наших не щадим...)
Все тот же ветер над Окой,
все те же звезды, багровея,
как и во время Птоломея,
горят над нашей головой.
Дыхание весенних гроз,
бушующая, пролетает мимо,
но тайна совести и звезд,
струящих свет на новый мост,
на древний городской погост,
мучительна, непостижима...

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

(р. 1933)

* * *

М. Бернесу

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
над ширью пашен и полей
и у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
что под березами лежат,
и вам ответят их сыны,
хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь,
Париж.

Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны.
Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.
Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.

* * *

Идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.

Чьи-то души, бесследно
растворяясь вдали,
словно белые снега,
идут в небо с земли.

Идут белые снега...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо.
Я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный, —
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
ее реки в разливе
и когда подо льдом,

дух ее пятистенков,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно —
для России я жил.

И надеждою маюсь —
полный тайных тревог, —
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда...

Идут белые снега,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снега большие,
аж до боли светлы,

и мои и чужие
заметая следы...

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я...

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

(р. 1934)

БАНЯ БЕЛОВА

1

В нелучшем совсем состоянии своем
Я ехал к Белову в родительский
дом.

Он сам торопился, Василий Белов,
Под свой деревенский единственный
кров.

И гнал свой «уазик»
с ухваткой крестьянской
Сначала — по гладкой, а дальше —
по тряской.

Везли мы с собой не гостинцы, а
хлеб...
И ехали с нами Володя и Глеб.

Володя, в свой край нараспашку
влюбленный,
И Глеб присмиривший, с душой
затаенной...

В начале пути нам попалась столовка,
Где жалко себя и за друга неловко.

Каких-то печальных откушали щей
И двинулись дальше дорогой своей...

И вот предо мною
зеленый простор
Величье свое бесконечно простер.

Стояли леса, как недвижимые рати,
В закатном застывшие северном
злате.

Сияли поля далеко и прозрачно...
Но было душе неуютно и мрачно.

Бескрайние эти
великие дали
Мне душу безмолвьем своим
угнетали.

Я видел, как дол расстилался за
домом,
Какой-то сплошной тишиной
заколдован.

И реки пустынные — Кубена...
Сить...
Здесь некому вроде и рыбу ловить.

Среди их привольно катящихся волн
Хоть чья бы лодчонка,
хоть чей-нибудь челн!..

Густела в полях вечеряющих мгла.
И странные нам попадались дома.

Они величаво из мглы возникали,
Как будто их ставили здесь великаны.

Наверное, ставили их на века —
Такая во всем ощущалась рука.

Такое надежное крепище бревен...
Но облик их был и печален, и темен.

Ни света из окон, ни дыма из труб,
Безмолвен был каждый покинутый
сруб.

И мрачно они среди полей
возвышались.
Куда же хозяева их подевались?!

Но каждый об этом угрюмо молчит...
И молча мы едем в глубокой ночи...

Но вот наконец нас хозяин привез
В деревню свою под сиянием звезд.

2

По-черному топится баня Белова,
Но пахнет березово, дышит сосново.

На вид она, может быть, и неказиста,
Зато в ней светло, и уютно, и чисто.

Когда в ее недрах всколышется жар,
Она обретаёт целительный дар.

Она забирает и тело, и душу,
Все недуги их извлекает наружу.

Любую усталость, любой твой
кошмар
Вбирает в себя обжигающий пар.

И, весь разомлев,
ты паришь невесомо,
Забыв, что творится и в мире, и
дома...

И с пышущей полки встаешь,
обнажен,
Как будто бы заново в мире рожден.

Как будто бы весь начинаешься
снова...
По-черному топится баня Белова.

3

И светлая
взору предстала деревня,
Живая деревня в краю этом древнем.

Из сказки забытой, казалось, возник
Ее отуманенный временем лик.

Темнели на избах высоких узоры,
И окна синели, как жителей взоры.

Распахнутый миру —
входи на порог! —
Под небом пустынным жилой
островок.

Казалось, один он остался на свете
Затем лишь,
чтоб путника в мире приветить.

Хоть много чего сохранить не смогла,
Но душу деревня еще сберегла.

Наверно, вовеки она не иссякнет,
Раз вынесла столько погибели
всякой.

Наверно, вовеки она не исчезнет,
Раз столько еще и добра в ней, и
чести.

Раз детская чья-то головка одна
С таким любопытством глядит из
окна.

Раз может еще
так
глазами сиять
Анфиса Ивановна, Васина мать...

И сразу просторы исполнились
смысла,
И небо иначе над ними нависло.

И дали, что с новой встречаются
далью,
Уже не дышали такою печалью.

Все сделалось радостней, стало
прочней —
Земля при деревне
и небо при ней!

И мир не казался уже сиротою
Со всей необъятной своей широтою.

К деревне ведет и тропа, и дорога.
Еще так богата земля,
и так много
И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей
царевне,

Доколе копить ей в полях своих
грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!

Пора возродить ее силу на свете —
Так пели и травы, и листья, и ветер.

Так думали поле, и речка, и лес,
И даль, что смыкается с далью небес.

Так думал, наверно, Василий Белов,
Что вел нас по отчету краю без слов.

Пора! —
это Времени слышно веленье —
Увидеть деревне свое возрожденье.

А все, что в душе и в судьбе
наболело, —
Привычное дело,
привычное дело...

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

(1936—1971)

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ОЛЬГА ФОКИНА

(р. 1937)

РОДИНА

Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.

Простые краски северных широт:
Румяный клевер, лен голубоватый,
И солнца блеск, немного виноватый,
И — облака, плывущие вразброд.

Плывут неторопливо, словно ждут,
Что я рванусь за ними, как когда-то...
Но мне, теперь не меньше их
крылатой,
Мне все равно, куда они плывут.

Мне все равно, какую из земель
Они с высот лазурных облюбуют,
Какие океаны околдуют
И соберут их звонкую капель.

Сижу одна на милом берегу,
Варю уху на старом пепелище,
И радость ходит по душе и брызжет,
Как этот кипяток по чугунку.

Другим без сожаленья отдаю
Иных земель занятные картинки.
...И падают веселые дождинки
На голову счастливую мою.

* * *

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие —
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
Храни огонь родного очага!

Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он,
Не потянись за черноземом чистым,
Что до тебя другие обрели.
Лелей лоскут отеческой земли!

И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять.
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

(р. 1938)

* * *

Что ми шумить, что ми звенить
далече рано перед зорями?
«Слово о полку Игореве»

Зычный гудок, ветер в лицо, грохот
колес нарастающий.
Вот и погас красный фонарь —
юность, курящий вагон.
Вот и опять вздох тишины веет над
ранью светающей,
и на пути с черных ветвей сыплется
гомон ворон.

Родина! Свет тусклых полей, омут
речной да излучина,
ржавчина крыш, дрожь проводов,
рокот быков под мостом, —
кажется, все, что улеглось, талой
водой взбаламучено,
всплыло со дна и понеслось, чтоб
отстояться потом.

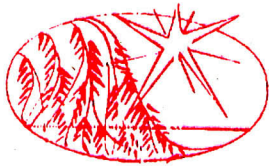
Это весна все подняла, все потопила
и вздыбила —
бестолочь дней, мелочь надежд —
и показала тщету.
Что ж я стою, оторопев? Или нет
лучшего выбора,
чем этот край, где от лугов илом
несет за версту?

Гром ли гремит? Гроб ли несут? Грай
ли висит над просторами?
Что ворожит над головой
неугомонный галдеж?

Что мне шумит, что мне звенит
издали рано пред зорями?
За семь веков не оглядеть! Как же
за жизнь разберешь?

Но и в тщете благодарю, жизнь, за
надежду угрюмую,
за неуспех и за пример зла не
держат за душой.
Поезд ли жду или гляжу с насыпи —
я уже думаю,
что и меня кто-нибудь ждет, где-то
и я не чужой.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

(р. 1941)

* * *

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об отчизне
Сияет в душе, как звезда.

Ну как мне тогда не заплакать
На каждый зеленый листок!
Душа, ты рванешься на запад,
А сердце пойдет на восток.

Родные черты узнавая,
Иду от Кремлевской стены
К потемкам ливонского края,
К туманам охотской волны.

Прошу у отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путем
И знать, что случится потом.

* * *

...Они скатали свои царства
в яички, забрали с собой и отпра-
вились к провалу.

А. Н. Афанасьев.

Народные русские сказки

Я скатаю родину в яйцо.
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где никто в лицо не мечет стрелы.

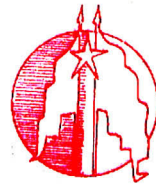
Раскатаю родину свою,
Разбужу ее приветным словом

И легко и звонко запою,
Ибо все на свете станет новым.

СИМВОЛ

Я знамя! Вожди подо мною.
Во славе, крови и пыли,
Клянутся моей высотой
Все рати небес и земли.

Я кровь высоко поднимаю,
Но тень я земле отдаю.
И прежде земли покрываю
Погибших во славу мою.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	1
НИКОЛАЙ АСЕЕВ	
Россия издали	3
Еще за деньги люди держатся	3
АННА АХМАТОВА	
«Мне голос был. Он звал утешно...»	4
«Не с теми я, кто бросил землю...»	4
Мужество	5
Родная земля	5
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН	
«Неуютная жидкая лунность...»	5
Русь советская	6
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ	
Нашему юношеству	7
Стихи о советском паспорте	9
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка	10
ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ	
Письмо к республике от моего друга	12
АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ	
Товарищ	13
БОРИС КОРНИЛОВ	
Песня о встречном	14
МАРИНА ЦВЕТАЕВА	
Родина	15
ДМИТРИЙ КЕДРИН	
Кукла	16
Аленушка	17

**СТИХИ
О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ**

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Советский флаг 17

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Голубиная книга 18

Ходоки 18

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

Дорога моей земли 20

Искушение 20

СЕРГЕЙ МАРКОВ

Русская речь 21

Знаю я — малиновою ранью... 21

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Священная война 23

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» 24

Родина 25

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

России 25

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

Итальянец 27

Трибунал 27

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

Враги сожгли родную хату... 28

БОРИС ПАСТЕРНАК

На ранних поездах 29

Весна 29

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Мой дом 30

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Рязанские Мараты 31

Милые красавицы России 32

История 32

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Русский язык 33

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

«Куда ни посмотришь — родные...» 33

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Дорога дорог 34

СТИХИ
О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

Береза	35
«На новостройках в эти годы...»	36
МИХАИЛ ЛУКОНИН	
Пришедшим с войны	37
СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ	
В те годы	38
СЕРГЕЙ ОРЛОВ	
Дома	38
МИХАИЛ ДУДИН	
«Мне все здесь дорого и свято...»	39
Победитель	39
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ	
Коммунисты, вперед!	40
ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ	
С тобой, Россия	42
ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ	
Основа	43
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ	
Отчизна	43
СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ	
«Оглядываюсь с гордостью назад...»	44
НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ	
«Она меняется с годами...»	45
НИКОЛАЙ ТРЯПКИН	
Скрип моей колыбели	45
«Среди лихой всемирной склоки...»	46
ВЛАДИМИР СОКОЛОВ	
«Хотел бы я долгие годы...»	47
Хлеб	47
АЛЕКСЕЙ ПРАСОЛОВ	
«Грязь колеса засосала...»	48
АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН	
«Зеленые дали померкли...»	49
ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ	
Русская деревня	49
СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ	
«А все ж, куда ни посмотри...»	50

СТИХИ
О СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

«Хотят ли русские войны?..»	50
«Идут белые снега...»	50

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

Баня Белова	52
-----------------------	----

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Тихая моя родина	54
До конца	55
Поезд	55

ОЛЬГА ФОКИНА

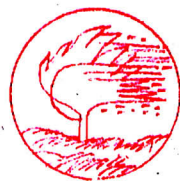
Родина	56
«Храни огонь родного очага...»	56

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

«Зычный гудок, ветер в лицо, грохот колес нарастающий...»	57
---	----

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

«Бывает у русского в жизни...»	58
«Я скатаю родину в яйцо...»	58
Символ	58

84P7
С80

Составитель и автор предисловия
Е. Лебедев

Художник *Л. Бирюков*

С80 **Стихи о Советской Родине**/Сост. и авт. предисл.
Е. Лебедев; Худож. Л. Бирюков.— М.: Современник,
1987.— 62 с.— (Отрочество. Серия книг для подрост-
ков).

В сборник вошли патриотические стихи советских поэтов.

С $\frac{4803010102-288}{M106(03)-87}$ 283—87

84P7
P2

© Предисловие, составление, оформление, издательство «Современник», 1987

Составитель
Евгений Николаевич Лебедев

Редактор
О. ГОЛЕВА

Художественный редактор
А. ДИАНОВ

Технический редактор
Н. ГАНИНА

Корректор
В. ДРОБЫШЕВА

ИБ № 4546

Сдано в набор 9.06.87. Подписано к печати 25.08.87. Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура об. нов. Печать офсетная. Бумага офс. № 2 кн. журн. Усл. печ. л. 5,2. Усл. краск.-отт. 10,73. Уч.-изд. л. 5,20. Тираж 750 000 экз. Заказ 1671. Цена 20 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

20 коп.

ОТРОЧЕСТВО

ОТРОЧЕСТВО

ОТРОЧЕСТВО
СЕРИЯ КНИГ
ДЛЯ
ПОДРОСТКОВ

Юный читатель!

В следующей книге серии «Отрочество» Вы сможете прочесть повесть известного советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Александра Яшина «Сирота» — о судьбе деревенского паренька, превратившегося в «вечного иждивенца», предателя своих близких, дома, родного колхоза.

«Современник»

SHAMAN57
2016